

Двуглавый орёл на развилке истории

Вашему вниманию предлагаются две записки, поданные Николаю II в конце 1916 – начале 1917 года. Авторы документов явно имеют разное мнение по тому вопросу, о котором высказываются. Это позволяет нам применить одно из основных правил работы с историческими документами: если два источника взаимно противоречивы, то наиболее достоверно то, в чём они сходятся.

Отсюда – задача: укажите, какие достоверные утверждения можно сделать, сопоставив два приводимых текста.

Письмо великого князя Александра Михайловича¹ к Николаю II (25 декабря 1916 – 4 февраля 1917 года)

Дорогой Ники, Тебе угодно было, 22-го декабря, дать мне высказать мое мнение по известному вопросу, и попутно пришлось затронуть почти все вопросы, которые волнуют нас; я просил разрешения говорить как на духу, и Ты дал мне его.

<...> Мы переживаем самый опасный момент в истории России: вопрос стоит, быть ли России великим государством, свободным и способным самостоятельно развиваться и расти, или подчиниться германскому безбожному кулаку <...>. И вот, в это святое время, когда мы все, так сказать, держим испытание на звание человека, в его высшем понимании, как христианина, какие-то силы внутри России ведут Тебя и, следовательно, Россию к неминуемой гибели.

Я говорю: Тебя и Россию, вполне сознательно, так как Россия без царя существовать не может, но нужно помнить, что царь один править таким государством, как Россия, не может: это надо раз навсегда себе усвоить и, следовательно, существование министерства с одной головой и палат совершенно необходимо; я говорю: палат, потому что существующие механизмы далеко несовершенны и не ответственны, а они должны быть таковыми и нести перед народом всю тяжесть ответственности; немыслимо существующее положение, когда вся ответственность лежит на Тебе и на Тебе одном.

Чего хочет народ и общество? Очень немногого – власть <...> разумную, идущую навстречу нуждам народным, и возможность жить свободно и давать жить свободно другим. Разумная власть должна состоять из лиц первым делом чистых, либеральных и преданных монархическому принципу, отнюдь не правых или, что еще хуже, крайне правых, так как для этой категории лиц понятие о власти заключается: "править при помощи полиции, не давать свободного развития общественным силам и давать волю нашему никуда негодному, в большинстве случаев, духовенству".

Председателем Совета министров должно быть лицо, которому Ты вполне доверяешь; он выбирает себе и ответствен за всех других министров <...>. Я принципиально против, так называемого, ответственного министерства, т. е. ответственного перед думой; этого допускать не следует, надо помнить, что парламентская жизнь у нас в самом зародыше – при самых лучших намерениях тщеславие, желание власти и почета будут играть не последнюю роль, и, главное, при непонимании парламентского строя, личной зависти и проч. человеческих недостатках министры будут меняться даже чаще чем теперь, хотя это и трудно. Как председатель, так и все министры должны быть выбраны из числа лиц, пользующихся доверием страны и деятельность которых общеизвестна (конечно, не исключаются и члены Думы). Такое министерство встретит общее сочувствие всех благомыслящих кругов; оно должно представить Тебе подробную программу тех мер, которые должны проводиться в связи с главной задачей момента, т. е. победы над германцами, и включить те реформы, которые могут проводиться попутно, без вреда для главной цели, и которых ждет страна. Программа эта, после одобрения Тобой, должна быть представлена Думе и Государственному совету, которые, вне сомнения, ее одобряют и дадут полную свою поддержку, без которой работа правительства невозможна; затем, опираясь на одобрение палат и став твердой ногой, и чувствуя за собой поддержку страны, всякие попытки со стороны левых элементов должны быть подавляемы, с чем, я не сомневаюсь, справится сама дума; если же нет, то дума должна быть распущена, и такой роспуск думы будет страной приветствоваться. <...>

1 Января 1917 г. <...> Недовольство растет, начинает пошатываться даже монархический принцип, и отстаивающие идею, что Россия без царя существовать не может, не имеют почвы под

¹ Александр Михайлович Романов (1866–1933). Великий князь. Внук Николая I. Двумя годами старше Николая II; женат на его сестре. Один из создателей российской авиации; с 1915 – адмирал, с 1916 – генерал-инспектор военно-воздушного флота. Умер в эмиграции.

ногами, так как факты развала и произвола налицо; продолжаться так долго такое положение не может; опять повторяю: нельзя править страной не прислушиваясь к голосу народному, не идя навстречу его нуждам, не считая его способным иметь собственное мнение, не желая признавать, что народ свои нужды сам понимает. <...> Я имел два продолжительных разговора с Протопоповым²: он все время говорил о крепкой власти, о недопустимости уступок общественному мнению, о том, что земский и городской союзы, а также военнопромышленные комитеты суть организации революционные; если бы его слова отвечали истине, то спасения нет, но, к счастью, это не так, и конечно, нельзя отрицать, что в этих организациях существуют левые, но ведь масса не революционна – и вот мерами запрещений, разных стеснений и подозрений искусственно толкают нетвердых в своих убеждениях людей в лагерь левых.

<...> Когда подумаешь, что Ты несколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить, дать стране то, чего она жаждет, т. е. правительство доверия и широкую свободу общественным силам, при строгом контроле, конечно, что Дума как один человек пошла бы за таким правительством, что произошел бы громадный подъем всех сил народных, а, следовательно, и несомненная победа, то становится невыносимо больно, что нет людей, которым бы Ты доверял, но людям, понимающим положение, а не таким, которые только подлаживаются под что-то непонятное.

25 января. Как видишь, прошел месяц, а письмо мое я еще не послал, все надеялся, что Ты пойдешь по пути, который Тебе указывают люди верные Тебе и любящие Россию <...>

Недовольство растет с большой быстротой и чем дальше, тем шире становится пропасть между Тобой и Твоим народом. <...> Между тем народ Тебя любит и глубоко верит в достижимость полной победы и внутреннего устройства без всяких потрясений, но при условии существования правительства, состоящего из лиц чистых и пользующихся доверием страны; без этого нет надежды на спасение Престола и, следовательно, Родины.

Посмотри, что делается в союзных нам странах: править государствами призваны самые способные люди, без различия их убеждений; ведь все сознают, что в минуту, когда решается судьба мира, когда от победоносного окончания войны той или другой стороны зависит самое свободное существование целых государств, что в такую минуту нет места ни личным симпатиям, ни интересам тех или других партий, есть одно – призыв всех наиболее способных людей к делу спасения родины, именно: к спасению родины; вопрос ведь в самом бытии России, как великой могущественной державы.

<...> Ты, вероятно, читал обращение к Тебе новгородского дворянства; ведь так можно говорить только тогда, когда глубоко сознаешь ту пропасть, на краю которой мы стоим, и уверяю Тебя, что все Тебе истинно верные люди именно так и думают. <...>

Ты, вероятно, думаешь, что те меры, которые принимает правительство, выведут Россию на светлый путь, на путь победы и полного возрождения, и считаешь, что мы все, которые держимся обратного мнения, заблуждаемся, но ведь для проверки оглянись назад и сравни положение России в начале войны и сегодня – неужели это сравнение не может убедить Тебя, на чьей стороне правда? В заключение скажу, что как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию; народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу.

Твой верный (подпись).

**Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова³
и переданная Николаю II князем Голицыным⁴ в ноябре 1916 года.**

Так как в настоящее время уже не представляется сомнений в том, что Государственная Дума при поддержке, так называемых, общественных организаций вступает на явно революционный путь, ближайшим последствием чего, по возобновлении ее сессии, явится искание ею содействия мятежно настроенных масс, а затем ряд активных выступлений в сторону государственного, а,

² Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918). Депутат III и IV Государственных дум; с 16 сентября 1916 – руководитель Министерства внутренних дел, ставленник царицы и Распутина.

³ Римский-Корсаков Александр Александрович (1849–1922). В 1905–1909 – Ярославский губернатор, отличился решительным усмирением волнений; с 1909 – сенатор и один из руководителей черносотенного Союза русского народа.

⁴ Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925). Князь. С 1885 – губернатор, с 1903 – сенатор, с 1915 – член Государственного совета, с 27 ноября 1916 – председатель Совета министров вместо Б. В. Штюрмера.

весьма вероятно, и династического переворота, надлежит теперь уже подготовить, а в нужный момент незамедлительно осуществить ряд совершенно определенных и решительных мероприятий, клонящихся к подавлению мятежа, а именно:

I. Назначить на высшие государственные посты <...> лиц, не только известных своей издавна засвидетельствованной и ничем непоколебленной и незаподозренной преданностью Единой Царской Самодержавной власти, но и способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом и анархией; в сем отношении они должны быть единомышленны и твердо убеждены в том, что никакая иная примирительная политика невозможна. Они должны, кроме того, клятвенно засвидетельствовать перед лицом Монарха свою готовность пасть в предстоящей борьбе, заранее на сей случай указать своих заместителей, а от Монарха получить всю полноту власти.

II. Государственная Дума должна быть немедленно Манифестом Государя Императора распущена без указания срока нового ее созыва, но с определенным упоминанием о предстоящем коренном изменении некоторых статей (86, 87, 111 и 112) Основных Законов и Положений о выборах в Государственный Совет и Думу.

III. В обеих столицах, а равно в больших городах, где возможно ожидать особенно острых выступлений революционной толпы, должно быть тотчас же фактически введено военное положение <...> со всеми его последствиями до [военно-]полевых судов включительно.

IV. Имеющаяся в Петрограде военная сила в виде запасных баталионов, гвардейских, пехотных полков представляется вполне достаточной для подавления мятежа; однако, баталионы эти должны быть заблаговременно снабжены пулеметами и соответствующей артиллерией. В Москву должны быть отправлены некоторые из этих же баталионов, а в столицы и в крупные центры, кроме того, поставлены те из имеющихся запасных кавалерийских частей, кои являются наиболее способными. <...>

V. Тотчас же должны быть закрыты все органы левой и революционной печати и приняты все меры к усилению правых газет и к немедленному привлечению на сторону правительства хотя бы одного из крупных умеренных газетных предприятий.

VI. Все заводы, мастерские и предприятия, работающие на оборону, должны быть милитаризованы с перечислением всех рабочих, пользующихся, так называемой, отсрочкой в разряд призванных под знамена и с подчинением их всем законам военного времени.

VII. Во все главные и местные комитеты союзов земств и городов, во все их отделы, а равно во все военно-промышленные комитеты и во все содержимые сими учреждениями заведения, мастерские, лазареты, поезда и проч. должны быть назначены в тылу правительственные комиссары, а на фронт коменданты из эвакуированных офицеров для наблюдения за расходом отпускаемых казною сумм и для совершенного пресечения революционной пропаганды среди нижних чинов со стороны личного состава, который должен быть подчинен указанным агентам правительства.

VIII. Всем генерал-губернаторам, губернаторам и представителям высшей администрации в провинции должно быть предоставлено право немедленного собственной властью удаления от должности тех чинов всех рангов и ведомств, кои оказались бы участниками антиправительственных выступлений, либо проявили в сем отношении слабость или растерянность.

IX. Государственный Совет остается впредь до общего пересмотра основных и выборных законов и окончания войны, но все исходящие из него законопроекты впредь представляются на Высочайшее благоусмотрение с мнением большинства и меньшинства. Самый состав его должен быть обновлен таким образом, чтобы в числе назначенных по Высочайшему повелению лиц не было ни одного из участников, так называемого, прогрессивного блока.

Записка без подписи. С. Белецкий⁵ объясняет, что она составлена в кружке Римского-Корсакова во времена Штюрмера⁶, который не подал ее царю, боясь, что она не отвечает либеральному настроению его декларации. Записка была вторично отпечатана и передана Голицыну, который, в последние дни Штюрмеровского премьерства, передал ее царю от себя.

⁵ Белецкий Степан Петрович (1873–1918). С 1912 – директор Департамента полиции. В 1915–1916 – товарищ (заместитель) министра внутренних дел. Входил в круг близких знакомых Г. Е. Распутина.

⁶ Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917). Тверской помещик; занимал высокие должности при дворе, затем в МВД. Сторонник крайне правых взглядов. С января по ноябрь 1916 г. – председатель Совета министров (ставленник Г. Е. Распутина), с марта по июль одновременно – министр внутренних дел.

Объяснительная записка к пункту II предыдущей записки, составленной в кружке Римского-Корсакова.

Будет ли собрана Государственная Дума в январе, будет ли она вновь распущена, будут ли продлены ее полномочия или назначены новые выборы, положение останется столь же нетерпимым и столь же опасным, как и в настоящее время, как и в течение всех последних десяти лет. Оно, несомненно, будет даже ухудшаться с каждым днем, и перед Монархом и правительством будет стоять все та же трудно разрешимая задача: остановить ли решительными мерами поступательное движение России в сторону демократической республики, либо положиться на Волну Божию и спокойно ожидать государственной катастрофы. В обществе и даже в среде самого правительства последних лет в этом отношении существует довольно прочно установившееся убеждение, что стоит Монарху даровать действительные, настоящие конституционные права и гарантии, пойти навстречу заявленным требованиям об ответственном министерстве, принести за Себя или за Своего Наследника присягу на верность конституции, и тотчас же настанут для России светлые дни, все сразу успокоится, а умеренные партии законодательных учреждений, только к этому одному и стремящиеся, выведут государство из этого тупика, в который оно поставлено нерешительной и непоследовательной политикой правительства. Такого рода мнение совершенно ошибочно <...>

<...> Дело в том, что сами эти элементы столь слабы, столь разрознены и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочное. Наиболее сильной и деятельной из них является партия кадетов, ведущая в поводу все остальные; но если приглядеться к ней <...>, то придется признать, что эта партия сильна лишь своей слабостью. Нося название демократической, а сама по себе в составе своем чисто буржуазная, она должна была, не имея собственной почвы, принять навязанные ей слева лозунги народопрямства и отрицания собственности. Имея в составе своем значительное число, так называемых, земских деятелей, владельцев земли, кадетская партия первым пунктом своей программы поставила отчуждение земли, окончательное разорение собственных своих сочленов; конечно, руководители ее не были искренни в этом случае и к этому вовсе не стремились, весьма охотно выпустив этот пункт из программы созданного и руководимого ими прогрессивного блока, но не является ли это лучшим доказательством того, что они не верят в собственное свое самостоятельное существование и ищут сочувствия извне путем уступок и жертв; без этого сочувствия слева, без этих козырей из чужой, не ихней колоды карт, кадеты есть не более как многочисленное сообщество либеральных адвокатов, профессоров и чиновников разных ведомств – и ничего более.

Еще меньше можно назвать политической партией партию октябристов, в самой Думе уже расколовшуюся на разные оттенки, партию искусственно созданную на лозунгах Манифеста 17 Октября, для многих спорного и ни для кого не ясного. Слабость ее заключается уже не в том, что она приняла чуждые ей лозунги, а в том, что их у нее нет вовсе; и не видели ли мы самых разительных примеров того, как люди, называющие себя октябристами, перебежали из одного лагеря в другой, легко и свободно меняя свои убеждения в зависимости от временных обстоятельств, колебаний правительственной политики, а еще чаще совершенно личных побуждений. Прав был один из правых ораторов в Думе, сказавший, что стоит сжечь одну помещичью усадьбу, чтобы превратить сотню октябристов в правых, и достаточно обойти наградами к 6 Декабря несколько видных либеральных чиновников, чтобы сделать из октябристов кадетов.

<...> Совершенно иное положение партий левых: трудовиков, социал-демократов, вплоть до социал-революционеров. <...> Опасность и силу этих партий составляет то, что у них есть идея, есть деньги и есть толпа, готовая и хорошо организованная. Эта толпа часто меняет свои политические устремления, с тем же увлечением поет "Боже Царя храни", как и орет "Долой Самодержавие", но в ненависти к имущим классам, в завистливом порыве разделить чужое богатство, в так называемой классовой борьбе толпа эта крепка и постоянна, она в праве притом рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдет за пролетарием тотчас же, как революционные вожди укажут им на чужую землю. 1905 и 1906 годы с достаточной убедительностью уже показали, что, яростный защитник своей собственности и такой же консерватор в своем быту, русский мужик делается самым убежденным социал-демократом с той минуты, когда дело коснется чужого добра.

Итак, при полной, почти хаотической, незрелости русского общества в политическом отношении объявление действительной конституции привело бы к тому, что более устойчивые и сильные политические партии и течения, имея благоприятную под собою почву в самых

конституционных гарантиях, тотчас стали бы поглощать партии менее жизненные и сильные и приобрели бы преимущественное влияние на дальнейшие судьбы государства. Можно без всякого преувеличения сказать, что обнародование такого акта сопровождалось бы прежде всего, конечно, полным и окончательным разгромом партий правых и постепенным поглощением партий промежуточных <...> партией кадетов, которая по началу и получила бы решающее значение. Но и кадетам грозила бы та же участь. При выборах в пятую Думу эти последние, бессильные в борьбе с левыми <...>, оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева <...>. А затем.... Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник. Можно бы итти в этих предсказаниях и дальше и после совершенной анархии и поголовной резни увидеть на горизонте будущей России восстановление Самодержавной Царской, но уже мужичьей власти в лице нового Царя, будь то Пугачев или Стенька Разин, но, понятно, что такие перспективы уже заслоняются предвидением вражеского нашествия и раздела между соседями самого Государства Российского, коему уготована была судьба Галиции или Хорватской Руси.

Поэтому все надежды на то, что с объявлением действительной русской конституции все успокоится, кажутся столь же наивными, как и наивно и утверждение, что, Бог даст, и так все само собой образуется как-нибудь.

Ничего не может образоваться из неудачно задуманной и еще более неудачно осуществленной 10 лет тому назад реформы <...>. В чем же заключаются недостатки реформы 1906 года? <...>

Как бы ни хитры были истолкования выражения: Самодержец, самое понятие это в глазах народа, кроме значения Всемогущего и никем и никаким законом человеческим <...> не ограниченного Монарха, никакого иного не имеет, а вычеркнуть это слово из основных законов и из ежедневных молитвословий не решились и составители новелл 1906 г. Между тем, ст. 87, 112 и 113 Основных Законов явно умаляют это значение, ставят Царя не только в равноправные отношения с законодательными учреждениями, но как бы подчиняют Его Волю усмотрению этих последних <...>. Монарх не является <...> Верховным Судией, решителем судьбы важнейших государственных мероприятий, и занимает какую-то связанную формальностью, как бы лишь делопроизводственную позицию.

Этот величайший государственный соблазн должен быть уничтожен, и указанные статьи коренным образом изменены в том смысле, что Монарх, в порядке утверждения рассмотренных палатами законопроектов, остается неограниченным и никаких в сем отношении обязательств на него законом не возложено.

Несмотря на все пережитое, а, быть может, благодаря именно этому, формула: "народу мнение, а Царю решение" является единственно приемлемой для России.

Блок А. А. Последние дни императорской власти. М., 1921. (Из приложений)
<http://ldn-knigi.lib.ru/Rusknig.htm>
(Проект: книги Леона и Нины Дотанов)